

15 СЕНТЯБРЯ
1910 г.

ТУРКЕСТАНСКИЙ

№
18-й

изданія

СМЕРЯВЪ

годъ V-й

ВЪДОМОСТИ

Подписная цена на годъ 6 рублей. Плата за объявленія въ официал. ч. 20 коп., въ неофициал.—10 коп. за строку петита; за разсылку 100 объявленій 1 р. 50 к. Адресъ редакціи: Гор. Вѣрный, Семирѣченской области.

ЧАСТИ ОФИЦІАЛЬНЫЯ

Циркулярно.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссийскаго, изъ Туркестанской Духовной Консисторіи, причтамъ церкви Туркестанской епархіи.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Туркестанская Духовная Консисторія дастъ знать причтамъ церкви епархіи для свѣдѣнія, что 28 іюня сего 1910 года Его Преосвященствомъ уже возбуждено ходатайство предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода о томъ, чтобы причтамъ церкви, которые получаютъ жалованье по истеченіи каждаго полугодія, было разрѣшено получать жалованье помѣсячно, а потому предлагается съ подобными просьбами въ Консисторію не обращаться. № 6283

ПЕРЕМѢЩЕНІЯ.

Его Преосвященствомъ перемѣнены: 1) псаломщикъ-діаконъ Красноводской желѣзно-дорожной церкви Петръ Шутковъ и псаломщикъ Кизиль-Арватской желѣзно-дорожной церкви Алексѣй Смолѣнскій—одинъ на мѣсто другого; 2) священникъ церкви села Константиновскаго Лепсинскаго уѣзда Андрей Волковъ—священникомъ церкви села Теплоключинскаго, Пржевальскаго уѣзда; 3) псаломщикъ-діаконъ Александро-Невской церкви вагона Средне-Азиат-

ской желѣзной дороги *Василій Амбаловъ*—псаломщикомъ Кокандскаго городского прихода; 4) на мѣсто *Агибалова* къ *Александроневской* вагонъ церкви—псаломщикъ *Николаевской* церкви вагона *Оренбургъ-Ташкентской* желѣзной дороги *Павель Чулковъ*; 5) на мѣсто *Чулкова*—псаломщикъ *Ново-Бухарской* церкви *Владиміръ Сльмашко*; 6) на мѣсто *Сѣмашко* въ *Новую Бухару*—псаломщикъ-діаконъ *Самаркандской* желѣзно-дорожной церкви *Николай Пѣвцовъ*; 7) на мѣсто *Пѣвцова* къ *Самаркандской* желѣзно-дорожной церкви—псаломщикъ *Чарджуйской* желѣзно-дорожной церкви *Теодоръ Коложный*; 8) на мѣсто *Коложнаго* къ *Чарджуйской* желѣзно-дорожной церкви—псаломщикъ-діаконъ *Благовѣщенной* церкви *Андижанскаго* уѣзда *Василій Чернецкій* и 9) священникъ *Казанско-Богородичной* церкви села *Казанско-Богородскаго Вѣрненскаго* уѣзда *Николай Головацкій*—священникомъ *Св. Димитрія Салунскаго* церкви села *Лебединскаго, Пишпекскаго* уѣзда.

УВОЛЬНЕНІЕ ВЪ ОТПУСКЪ.

Туркестанскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ, согласно прошенію, діаконъ *Джаркентскаго Пророко-Ильинскаго* собора *Василій Семеновъ* уволенъ въ четырехмѣсячный отпускъ.

УВОЛЬНЕНІЕ ЗА ШТАТЪ.

Псаломщикъ *Кокандской* городской церкви *Іоаннъ Ивашиненко*, согласно прошенію, вслѣдствіе болѣзни, Его Преосвященствомъ уволенъ за штатъ.

Содержаніе официальной части.—Указы Дух. Консисторіи.—Перемены.—Увольненіе въ отпускъ.—Увольненіе за штатъ.

Редакторъ официальной части, *М. Архангельскій.*

Единение людей может ли быть цѣлью жизни человѣческой

Въ своемъ письмѣ къ славянскому съѣзду въ Софїи Л. Н. Толстой говоритъ: „Единение людей есть не только важнѣйшее дѣло человѣчества, но въ немъ я вижу и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни“. Однако черезъ нѣсколько уже строкъ эту такъ категорически выраженную мысль Л. Н.—чъ считаетъ нужнымъ дополнить: „Да, въ единенїи и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни“,—говоритъ Л. Н.—чъ,—«но цѣль и благо эти достигаются только тогда, когда это единение—*всею человѣчества во имя основы, общей всему человечеству*». Итакъ, дѣло, слѣдовательно, не въ единенїи хотя бы и всего человѣчества, не въ единенїи самомъ по себѣ,—но въ единенїи *во имя основы, общей всему человечеству*; въ такомъ случаѣ и цѣлью— должна быть поставлена эта общая всему человечеству основа, а не единение. Въ чемъ заключается эта общая всему человечеству основа, Л. Н.—чъ прямо не говоритъ, онъ утверждаетъ лишь, что единение малыхъ и большихъ частей человечества *во имя ограниченныхъ, частныхъ цѣлей...* такія соединенія не только не содѣйствуютъ, но *болѣе всего* препятствуютъ истинному прогрессу человечества“. И съ этимъ нельзя не согласиться,—единение во имя ограниченныхъ и частныхъ цѣлей,—если и *не болѣе всего*,—то весьма часто бываютъ препятствїемъ истинному прогрессу человечества, а потому высказавшїй эту вѣрную мысль, казалось-бы, обязанъ точно и ясно указать, во имя чего же, во имя какой основы, *общей всему человечеству*, должно слагаться единение людей. По словамъ Л. Н.—ча «единение, чтобы оно могло произвести свойственныя ему благотѣльныя послѣдствїя, оно должно имѣть цѣлью *единение всѣхъ людей во имя общаго вѣснмъ людямъ, одинаково признаемаго вѣснми начала*. А такимъ единенїемъ можетъ быть только то, которое основано на той религіозной основѣ жизни, которая одна соединяетъ людей». Но въ чемъ же заключается эта религіозная основа жизни, которая одна соединяетъ людей?! «Единение есть ключъ, освобождающїй людей отъ зла»,—поясняетъ Л. Н.—чъ. Что же однако это значить! Должно-ли изъ этого заключить, что освобождение отъ зла,—не себя лишь и не нѣкоторыхъ только, а всѣхъ людей безъ вся-

кихъ исключеній,—и есть та основа, общая всему человѣчеству, которая потому и должна быть цѣлью жизни, единеніе же будетъ средствомъ достиженія этой цѣли? Можно ли изъ этого заключить, что избавленіе, освобожденіе отъ зла, т. е. *всобщее спасеніе*, и есть та религіозная основа жизни, которая одна соединяетъ,—*можетъ соединить*,—людей? Называя единеніе дѣятельностью и приравнивая ее къ важнѣйшимъ дѣятельностямъ,—къ религіи, любви, служенію человѣчества, къ наукѣ, искусству,—Л. Н. Толстой говоритъ, что «всѣ эти величайшія дѣятельности человѣческой души, какъ только онѣ не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносятъ свою хоть малую пользу, какъ думаютъ и говорятъ многіе, но губительны и болѣе всего (?) задерживаютъ достиженіе той самой цѣли, къ которой онѣ какъ будто стремятся». Нужно—*«все или ничего; все до конца, до послѣднихъ выводовъ, какъ бы они ни были чужды или непріятны намъ»*... Но всякая дѣятельность должна имѣть начало, и въ началѣ она не можетъ сразу обнять все до конца. Такъ и единеніе,—оно зарождается и зарождается, очевидно, невольно и даже вынужденно, быть можетъ, въ видахъ именно избавленія отъ зла, отъ тѣхъ бѣдствій, которыя грозятъ со всѣхъ сторонъ одинокому. Соединенія не для избавленія отъ зла, а для добыванія себѣ блага, лишая этого блага другихъ себѣ подобныхъ, причиняя зло себѣ подобнымъ,—какъ шайка, напимѣръ, грабителей,—такія соединенія—явленіе не первоначальное и неестественное (порожденіе искусственно сложившейся извращенной жизни),—такія соединенія нельзя разлить въ одну кучу съ семьей, родомъ, народомъ, государствомъ. Семья, родъ, народъ, государство суть такія соединенія, которыя произошли изъ стремленія—избавить отъ зла всѣхъ вошедшихъ въ соединеніе, и не имѣли въ виду причинять кому либо зло, и всѣ они произошли изъ союза семейнаго, родственнаго, въ основѣ котораго лежитъ чувство. Вслѣдствіе размноженія, смерти родоначальника и связующихъ родъ его членовъ, родственное чувство утрачивалось, родство забывалось, и въ слову единеній, происшедшихъ изъ союза семейнаго, вмѣсто родственнаго чувства было положено *право, справедливость*; но право безъ силы не осуществимо, правовой порядокъ держится силою, только то право дѣйствительно, за которымъ стоитъ сила, достаточная, чтобы заставить уважать право. Этимъ и объясняется безсиліе межнациональнаго права: за нимъ нѣтъ силы, которая могла бы заставить уважать это право. Если семьи, роды, народы и государства враждуютъ другъ съ другомъ, то это лишь по недоразумѣнію, по нашему невѣжеству, потому что смертью прерывается родство, и мы уже не чувствуемъ, не ощущаемъ и не сознаемъ, что всѣ мы дѣти одного отца, что всѣ мы составляемъ од-

ну семью, одинъ родъ...*) И не противодѣйствовать нужно такимъ соединеніямъ, какъ семья, родъ, народъ, государство, а все то, что Л. Н. Толстой называетъ величайшими дѣятельностями души, нужно направить къ пробужденію сознанія въ соединившихся въ эти союзы, — къ пробужденію сознанія не ихъ особенности, различія, противоположности съ другими такими же союзами, не къ самоопредѣленію себя каждою народностью чѣмъ то особеннымъ отъ другихъ народностей, а къ сознанію родства со всѣми людьми. Къ этому должны быть направлены и наука и искусство. И только такое совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ дѣятельностей, объединенныхъ одною цѣлью, и дастъ возможность довести ихъ до конца... Сразу все до конца узнать, наприѣмръ, мы не можемъ; и неужели же по этому мы должны отказаться отъ науки? Поставить же цѣлью науки, знанія, изысканіе средствъ, способовъ къ избавленію людей, — не себя только или нѣкоторыхъ, но всѣхъ безъ исключенія, — отъ бѣдствій, отъ зла, въ которомъ міръ лежитъ, это мы можемъ и должны. Избавленіе отъ зла дѣйствительно, навсегда, даже только каждаго изъ насъ можетъ быть въ томъ лишь случаѣ, если зло совсѣмъ не будетъ, если зло будетъ совсѣмъ искоренено, т. е. если будутъ избавлены отъ зла *все* и *все*, а потому изысканіе средствъ, способовъ избавленія отъ зла и должно повести къ объединенію всѣхъ людей безъ всякихъ исключеній. И только такое избавленіе отъ зла, т. е. *всеобщее спасеніе*, и можетъ быть цѣлью всей дѣятельности человѣческой, только это и можетъ быть цѣлью науки. Цѣлью науки не можетъ быть одно знаніе, одно удовлетвореніе пустого любопытства, цѣлью науки не можетъ быть разрѣшеніе вопроса только о томъ «почему *сущее существуетъ*»; — наука, чтобы быть серьезнымъ дѣломъ, должна поставить себѣ цѣлью разрѣшеніе вопроса — «*почему живущіе страдаютъ и умираютъ*»?

Сразу объединиться весь родъ челоуѣческой не можетъ, и неужели же мы должны по этому противодѣйствовать всякому соединенію людей?! Не должны ли мы, напротивъ, содѣйствовать всѣми силами, всѣми способами такому соединенію, которое въ концѣ концовъ придетъ, *должно притти*, къ объединенію всего челоуѣческаго рода?!

Въ настоящее время почти весь родъ челоуѣческой успѣлъ объединиться въ большія государства, и объединеніе на этомъ остановиться, очевидно, не можетъ; но въ то же время наше сознаніе не можетъ примириться съ тѣмъ способомъ, съ тѣмъ путемъ, — путемъ насилія, — которымъ объединеніе до сихъ поръ совершалось и привело родъ челоуѣческой къ распаденію на нѣсколько большихъ государственныхъ организмовъ, стремящихся поглатить болѣе мелкія,

*) Если же враждуютъ даже члены одной семьи, то это надо думать, вслѣдствіе заразы, пришедшей извнѣ.

менѣ сильныя организаци, успѣвшія до сихъ поръ сохранить свою самостоятельность. До сихъ поръ *объединеніе*, — какъ и вся дѣятельность человѣческаго рода, — не отдѣльныхъ лицъ, а всего рода человѣческаго въ его совокупности, — *совершалось* безсознательно, а потому не останавливалось и передъ насильственными путями: неужели же все достигнутое такимъ путемъ должно быть разрушено, неужели надлежитъ противодействовать и единенію, такимъ путемъ достигнутому, какъ это думаетъ Л. Н. Толстой?! Разрушеніе союзовъ, въ которые родъ человѣческой уже сложился, приведетъ къ тому, что процессъ объединенія снова начнется прежнимъ безсознательнымъ путемъ, и отъ союза родственнаго, держащагося чувствомъ, мы опять перейдемъ къ союзамъ забывшихъ родство, для удержанія коихъ въ союзѣ необходима сила. Не разрушать нужно тѣ союзы, въ которые уже сложился родъ человѣческой, нужно возбудить въ членахъ этихъ союзовъ сознание, — сознание родства, и не съ членами только своего союза, но со всѣми людьми, сознание того, что только *окончательное искорененіе зла можетъ* быть дѣйствительнымъ избавленіемъ отъ зла, нужно привести къ убѣжденію въ томъ, что спастись мы можемъ только *всѣмъ*, и въ случаѣ гибели — *погибнемъ всѣмъ*: мы или *всѣмъ* спасемся или же *всѣмъ* погибнемъ. При такомъ сознаніи всѣ наши силы, всѣ наши способности будутъ направлены не на то лишь, чтобы расширять наше единство, но главнымъ образомъ на то, чтобы углубить его, чтобы оно было единствомъ по чувству, и тогда мы поймемъ, что правовое общество есть совершенная противоположность истинному единству, что право не объединяетъ, а возстановляетъ другъ противъ друга... Когда цѣлью будетъ поставлено всеобщее спасеніе отъ зла, тогда всѣ дѣятельности рода человѣческаго объединятся въ этомъ одномъ дѣлѣ, *въ дѣль всеобщаго спасенія*; тогда мы поймемъ, что и раздѣленіе человѣчества, та чуждость, которую почти каждый изъ насъ въ настоящее время чувствуетъ въ отношеніи даже самыхъ близкихъ, — принесшія столько зла, были вынуждены необходимостью. («Если пшеничное зерно, падшее въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода». Іоан. XII, 24). Какъ знаніе *не до конца* часто бываетъ не только не полезно, но и вредно, такъ и объединеніе *не до конца* ставитъ разныя группы объединяющихся во враждебныя другъ къ другу отношенія. Но какъ же быть, — такихъ первоначальныхъ стадій какъ знанія, такъ и объединенія, избѣгнуть нельзя; неужели же мы должны поэтому отказаться и отъ знанія и отъ объединенія?! Не значитъ ли это лишь то, что мы не должны останавливаться на первоначальныхъ безсознательныхъ стадіяхъ ни знанія (науки), ни объединенія, что цѣлью всякой нашей дѣятельности мы должны поставить *всеобщее спасеніе*, т. е. избавленіе отъ зла не себя только, и не нѣкоторыхъ лишь, а

всѣхъ людей безъ всякихъ исключеній.—Думаю, что и Л. Н. Толстой, требуя, чтобы всѣ важнѣйшія дѣятельности человѣка, каковыми онъ называетъ религію, любовь, служеніе человѣчества, науку, искусство,—требуя, чтобы все это было *до конца, до послѣднихъ выводовъ, все или ничею*,—имѣлъ въ виду не полноту этихъ дѣйствій съ самаго начала, о лишь то, чтобы всѣ эти дѣятельности имѣли въ виду самую конечную, самую послѣднюю цѣль, которая не можетъ ограничиваться даже избавленіемъ всего рода человѣческаго отъ зла, т. е. чѣмъ-то отрицательнымъ,—конечною цѣлью дѣятельности людей, пришедшихъ въ сознание, можетъ быть только—*всеобщее блаженство*. Если тутъ вѣрно выражена мысль Л. Н-ча Толстого, то онъ не можетъ, или вѣрнѣе—не долженъ, противодѣйствовать объединенію, которое совершилъ и совершаетъ народъ русскій, даже и не называющій себя русскимъ, но крестьяниномъ (христіаниномъ) и православнымъ, ибо въ православномъ христіанствѣ русскій народъ полагаетъ основу, сущность своей жизни, признавая въ немъ, въ православномъ христіанствѣ, именно то, что ведетъ къ спасенію всѣхъ людей, а не одной какой либо части рода человѣческаго.. Крестьянствовать по понятію русскаго народа значить добывать средства, необходимыя для продолженія существованія, жизни, которая и есть наше благо; причемъ средства эти добываются нашими крестьянами не для себя только и добываются изъ земли, а на производительность земли дѣйствуютъ всѣ силы природы, отъ которыхъ зависитъ растительная и животная жизнь, обезпечивающая наше существованіе. По идеальному представленію нашего крестьянства, такое добываніе средствъ къ существованію есть религіозная обязанность, и потому вся жизнь нашего крестьянства есть религіозный подвигъ. Для полноты сознанія нашему крестьянству не достаетъ только знанія, науки, которая живетъ въ городахъ и все вниманіе обращала до сихъ поръ лишь на городскую жизнь, на производства городскія, имѣющія дѣло не съ живою, а мертвою природою, и только обрабатывающія то, что добыто крестьянствомъ, сельскими жителями;—наука почти не обращала вниманія на тѣ силы, отъ которыхъ зависитъ производительность земли, огорожившись отъ нихъ, этихъ силъ, городскими стѣнами... Самое распространеніе русскаго государства совершалось не путемъ завоеванія, а путемъ лишь защиты себя отъ завоеваній, подъ угрозой которыхъ русскій народъ прожилъ всю жизнь свою, ограждая себя отъ завоевателей валами, застѣками и т. п., которые уходили все дальше и дальше въ глубь степей, населенныхъ кочевниками; загражденія эти двигались въ глубь степей въ силу естественнаго роста населенія и въ силу того, что кочевники отливали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчали трудно преодолимая загражденія, препятствующія грабежамъ, которыми кочевники жили, и опять возвращались къ тѣмъ

же мѣстамъ, когда населеніе выливалось за сѣланныя было огражденія. Такъ русскій народъ дошелъ почти до стѣнъ, ограждающихъ Китай, и до Атрека... Въ настоящее время оказывается, что вслѣдствіе поспѣшности, съ которою въ послѣдніе два столѣтія совершалось поступательное движеніе русскаго народа, окраины русскаго государства стремятся оторваться отъ него... Съ другой стороны и самъ русскій народъ раскололся: отъ православнаго крестьянства отдѣлился классъ городской, цивилизованный, такъ называемая интеллигенція, въ рукахъ которой находится и знаніе, наука, и управленіе государствомъ; при чемъ разнь между классомъ правящихъ и управляемымъ народомъ становится все глубже. Все это и производитъ тѣ потрясенія, которыя мы переживаемъ... Но значитъ ли это, что мы должны разорвать наше государственное единство, должны противодѣйствовать нашему государственному единенію, какъ это думаетъ Л. Н. Толстой?! Не должны ли, напротивъ, мы отдѣлившіеся отъ нашего народа, въ рукахъ которыхъ однако не только управленіе, но и знаніе, наука,—въ помощи же науки такъ нуждается нашъ народъ,—не должны ли мы сознать нашу вину передъ народомъ, трудами рукъ котораго живемъ, и прити къ нему не съ грамотностью только, а съ дѣйствительною помощью?! Помощь же эта можетъ заключаться только въ изученіи тѣхъ условій, въ которыхъ народу приходится нести свой тяжкій трудъ добыванія средствъ къ существованію, и прежде всего, конечно, въ изученіи метеорическихъ, атмосферныхъ явленій, отъ которыхъ зависитъ урожай и на которыя, какъ оказывается, дѣйствуютъ взрывчатые вещества, почти всецѣло находящіяся въ рукахъ войскъ; а это послѣднее обстоятельство указываетъ на необходимость обратить войско,—кромѣ того дѣла, для котораго оно въ настоящее время служитъ,—и въ естествоиспытательную силу, т. е. кромѣ защиты отечества отъ себѣ подобныхъ, на войско же надлежитъ возложить и дѣло защиты насъ отъ слѣпыхъ силъ природы, несущихъ голодь, болѣзни и смерть, какъ объ этомъ говорится въ «Философіи Общаго Дѣла»—Н. Э. Федорова.*) Обращеніе войска,—въ которомъ при всеобщей воинской повинности сходятся интеллигенція и народъ,—обращеніе войска въ естествоиспытательную силу объединить интеллигенцію и народъ въ одномъ общемъ и всѣмъ безъ всякихъ исключеній необходимомъ дѣлѣ избавленія людей прежде всего отъ голода, т. е. отъ такого зла, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ бѣдствій рода человѣческаго, а затѣмъ это дѣло обратится не въ добываніе лишь средствъ для существованія, но и вообще въ дѣло

*) Книга эта не продается, но можетъ быть желающимъ выслана даромъ издателями этой книги В. А. Кожевниковымъ (Москва, Каложинъ пер. домъ Давыдова) и Н. П. Петерсономъ (г. Вѣрный Семврѣченской области), если обращающійся за книгой обѣщается сообщить о томъ, что онъ вынесетъ по прочтеніи книги.

обезпеченія существованія нашей жизни, нашего блага. Объединеніе интеллигенціи и народа въ этомъ общемъ, всѣмъ необходимомъ дѣлѣ объединить и окраины съ нашимъ государствомъ, сдѣлаетъ связь окраинъ съ нами неразрывною безъ всякаго при этомъ насилія, это дѣло заставитъ и всѣ другіе народы и государства съ надеждою сбратить на насъ взоры, а не видѣть въ нашемъ государствѣ какое-то пугало, какъ это нынѣ есть.

Въ заключеніе не могу не сказать о статьѣ М. О. Меньшикова — «*Все или ничею*» (№ 12320-й Нов. Вр.), — написанной по поводу того же письма Л. Н. Толстого, которое составляетъ предметъ и настоящей статьи. Меньшиковъ говоритъ: «Если-бы всемірное объединеніе было естественно, то оно давно было-бы достигнуто: времени было, кажется, для этого достаточно». Но въ такомъ случаѣ все естественное уже достигнуто, времени для этого было достаточно, — и міръ вылился, слѣдовательно, въ определенную и не измѣнную форму. И въ такомъ случаѣ какое же значеніе можетъ имѣть наша дѣятельность? Не напрасно ли мы мятемся?! «Вмѣсто единенія», — говоритъ дальше Меньшиковъ, «мы видимъ чудесно сочтавшееся съ нимъ разъединеніе»... М. О. Меньшикову была доставлена книга «Философія Общаго Дѣла», Н. Э. Федорова, но онъ не сталъ читать ее, потому что книга эта очень велика (около 750 стр. in 8° довольно убористой печати). А между тѣмъ, если бы М. О. далъ себѣ трудъ ознакомиться съ этой книгой, то можно ручаться, что не сталъ бы высказывать такихъ странныхъ мыслей, какъ выше приведенная, не впадалъ бы постоянно въ противорѣчія и не смѣшивалъ бы Бога съ природою, какъ это въ статьѣ — «*Все или ничею*», гдѣ говорится: «попробуемъ трезво и честно осуществить волю Божію, волю природы»... Но если воля Божія и воля природы (если только у природы есть воля?) составляютъ одно, — что же такое мы, которые можемъ противопоставить себя Богу и природѣ, можемъ относиться къ волѣ Бога и природы такъ или этакъ, захотимъ, будемъ относиться къ этой волѣ трезво и честно, не захотимъ, отнесемъ къ ней не трезво и не честно.. И что значить это — *трезво и честно*? Не каждый ли, употребляющій эти слова, влагаетъ въ нихъ собственный смыслъ. Какой же смыслъ разуметь подъ этими словами М. О. Меньшиковъ?!. Если бы М. О. Меньшиковъ ознакомился съ вышеуказанной книгой, онъ узналъ бы, что вся исторія рода человѣческаго есть борьба единства, безъ котораго живая не возможна, съ рознию, отступающею самостоятельность личности, безъ которой жизнь перестаетъ быть благомъ; но и до сихъ поръ родъ человѣчскій не пришелъ еще къ единству безъ гнета и къ личной самостоятельности безъ розни, — не пришелъ въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, хотя все это и было дано въ божественномъ откровеніи, въ идеѣ, въ мысли, въ дог-

матѣ о Пресвятой Троицѣ, которая есть полное единство, вполнѣ самостоятельныхъ личностей, единство безъ гнета, безъ слянія, и самостоятельность личностей безъ розни. Догматъ этотъ былъ выясненъ въ Константинополѣ (Царь-градѣ), который стоитъ между народами Азіи—представительницы единства, основаннаго на гнетѣ, ведущемъ къ слянію, и народами Европы—представительницы личности, личной самостоятельности, ведущей къ розни. Но догматъ этотъ остался мертвымъ догматомъ*) и, какъ мертвый, сдѣлался даже непонятнымъ;—Константинополь палъ, не успѣвъ выработанное имъ на вселенскихъ соборахъ отцовъ и учителей церкви ученіе о Пресвятой Троицѣ обратить въ заповѣдь, которая будетъ ясна для каждаго,—для всякаго даже простеца,—потому что она будетъ требованіемъ, совпадающимъ съ желаніемъ сердца каждаго, ибо нѣтъ человѣка, который согласился бы поступиться самостоятельностью своей личности, и съ другой стороны—нѣтъ человѣка, который не желалъ бы жить душа въ душу съ своими братьями, съ своими ближними, со всѣми людьми.

Книга «Философія Общаго Дѣла» есть призывъ къ общему всѣхъ людей дѣлу *всеобщаго спасенія* отъ голода, болѣзней и смерти, обращенный къ *ученымъ*.—(ученымъ духовнымъ, свѣтскимъ и военнымъ),—въ рукахъ коихъ все разумнѣе, и *къ правящимъ*,—въ рукахъ коихъ сила, направляемая нынѣ лишь на защиту отечества противъ себѣ подобныхъ и способная быть обращенною на защиту всѣхъ людей безъ всякихъ различій, сословныхъ, народныхъ, отъ бѣдствій, заложенныхъ въ основѣ слѣпой природы. Настало время приступить, наконецъ, къ исполненію пророчества древняго пророка, настало время перковать мечъ на орало.

Н. П-нъ.

Еще по поводу книги Родіонова—„Наше преступленіе“.

Послѣ того, какъ была написана статья о книгѣ Родіонова, помещенная нынѣ въ № 17-мъ Туркестанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, я прочелъ замѣтку объ этой книгѣ въ № 5-мъ Историч. Вѣстника за 1910 г. на стран. 732—734-й. Авторъ замѣтки, признавъ большую заслугу талантливаго автора, сразу создавшаго себѣ «крупное имя въ русской литературѣ» поставленнымъ диагнозомъ «больной деревенской Россіи»; обнаженіемъ и нагляднымъ выставленіемъ

*) Остался мертвымъ не для всѣхъ конечно; Преп. Сергій Радонежскій, напримѣръ, построившій храмъ Пресвятой Троицы, по сказанію его жизне-описателя, какъ зеркало для собравшихъ имъ въ единожитіе, несомнѣнно понималъ, что догматъ Пресвятой Троицы не ученіе только, но и заповѣдь.

на свѣтъ Божій правды, находя, что высокоталантливо нарисованная Родіоновымъ картина жизни русской деревни *ужасна*, кончаетъ свою замѣтку такъ: «Пусть читателей не охватываетъ и безнадежность. Положеніе, по нашему, не такъ ужъ отчаянно: мы имѣемъ дѣло съ явленіями проходящаго порядка. И они минуютъ. Въ это надо вѣрить». Но развѣ есть явленія *не проходящаго порядка*? Всѣ явленія порядка проходящаго, вопросъ же въ томъ, какія явленія смѣнять тѣ, которыя проходятъ, при которыхъ мы нынѣ присутствуемъ, которыя переживаемъ. Авторъ замѣтки надеется на лучшее будущее и основаніемъ къ этому выставляетъ то, что «и жизнь современную русскую города такъ же ужасна, какъ и жизнь деревни, описанная Родіоновымъ, что и на Западѣ такая же рознь между интеллигенціею и народомъ, какъ и у насъ,—что и тамъ, во Франціи, картины сельской жизни, нарисованныя Золя *«леденятъ кровь своимъ зѣвскимъ ужасомъ, но никому (!) не приходится въ голову думать отсюда заключеніе, что Франція пропала, провалилась въ бездну, идетъ ко дну»*. . Вотъ тѣ вѣскія основанія, которыя приводитъ авторъ замѣтки о книгѣ Родіонова, успокоивая читателей, уговаривая ихъ не приходиться въ безнадежность и вѣрить въ лучшее будущее, которое будто-бы «не за горами». Говоря, что «*всѣ болѣзни нынѣ открыты, и мы знаемъ ихъ диагнозы*», авторъ замѣтки видитъ причину болѣзней «*не въ озвѣрченіи народа*», а въ социально-политическихъ порядкахъ. А между тѣмъ даже Горькій въ одномъ изъ своихъ произведеній («*Читатель*» въ 3-мъ т. 3-го изд. Т-ва «*Знаніе*», стр. 237—255-я) говоритъ: «*Будемъ говорить по совѣсти: въ томъ, что наша жизнь такъ скверна, мы всѣ одинаково виноваты, на землѣ нѣтъ правыхъ*»... Не заключается ли въ этомъ признаніи, что дѣло вовсе не въ социально-политическихъ порядкахъ; зло гораздо глубже, корни самихъ социально-политическихъ порядковъ заложены въ самой природѣ человѣческой, и измѣненіе этихъ порядковъ можетъ зависѣть отъ измѣненія внутренней сущности людей, а потому озвѣрченіе людей,—и не однихъ сельскихъ жителей, (народа въ тѣсномъ смыслѣ) но и интеллигенціи,—озвѣрченіе, поддерживаемое убѣжденіемъ, что совершенствованіе достигается будто бы борьбою, состязаніемъ, мирнымъ состязаніемъ, конкуренцію (какъ будто конкуренція, состязаніе можетъ быть мирнымъ?!), озвѣрченіе не можетъ быть безразличнымъ для переживаемаго нами состоянія общества. И чего хочетъ авторъ разбираемой замѣтки, даже сомнѣвающийся, не превеличиваетъ ли Родіоновъ, не есть ли его голосъ—голосъ испуганнаго человѣка, современника, видящаго лишь поверхность событій, ихъ наружное проявленіе? (Но какъ бы такой могъ поставить диагнозъ замѣченныхъ имъ болѣзней?!) Родіоновъ призываетъ нести въ народъ «*миръ, свѣтъ и знанія*». Хотя призывъ этотъ и страдаетъ неопредѣленностью, но тѣмъ не менѣе это все таки что-нибудь. Ав-

торъ же замѣтки о книгѣ Родіонова, успокоивая читателей, говорить: «надо потерпѣть за прежніе грѣхи», (какъ будто новыхъ грѣховъ за нами не водится?!), пострадать, и въ этомъ терпѣннн, терпѣннн только непремѣнно *сознательномъ* (?!), въ этомъ страданн залогъ и добраго будущаго». Что же хочетъ сказать этимъ авторъ разбираемой замѣтки; не хочетъ-ли онъ сказать этимъ, что ничего того, къ чему приглашаетъ Родіоновъ, не нужно, что нужно только вѣрнть и ждать, а тамъ все само собою устроится?!. Но само собою совершается только паденіе; падать легко, подниматься трудно; даже только удержаться отъ паденія нужны усилія и большія, а чтобы подняться и итти вверхъ нуженъ великій трудъ. Какъ же можно уговаривать людей успокоиться при видѣ того паденія, въ которомъ находится современное намъ общество, при видѣ того, какъ зло поглащаетъ, затираетъ ту, по выраженію автора замѣтки, — «идеалистическую потенцію», которая едва *просачивается* чрезъ *ужасающую дѣйствительность*?!. Остается, слѣдовательно, читая книгу «*Наше преступленіе*», довольствоваться вѣрностью, художественностью изображенія совершающагося зла и продолжать дѣлать то, что дѣлали и дѣлаемъ, и что не чуждо изображенному злу, — подобно тому какъ и поминаемый въ напечатанной въ № 17-мъ Турк. Епарх. Вѣд. статьѣ священникъ восхищался образами Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, къ компаніи которыхъ и самъ принадлежалъ, какъ всѣ мы восхищаемся всѣми этими Чичиковыми, Собакевичами, Ноздревыми, Маниловыми, духъ которыхъ въ насъ и до сихъ поръ живетъ, ибо мы плоть отъ плоти, кость отъ костей ихъ, и ничего не дѣлаемъ, чтобы переродиться. Величайшій грѣхъ и состоитъ въ томъ, что, зная зло, мы успокоиваемся на этомъ лишь знаніи, и не употребляемъ всѣхъ силъ, всѣхъ способовъ и средствъ къ его искорененію, зная же добро, мы не употребляемъ всѣхъ силъ, всѣхъ способовъ и средствъ къ его водворенію. Не достаточно поставить діагнозъ болѣзни, главное заключается въ томъ, чтобы указать — какъ, какими средствами болѣзнь можетъ и должна быть излѣчена.

Н. П-нъ.

Оскудѣніе души.

(Къ характеристикѣ литературныхъ нравовъ послѣдняго времени).

Спѣйте разумное, доброе, вѣчное...

Пережитые недавно годы — одинъ изъ самыхъ острыхъ моментовъ общественной жизни, дни безвременья, когда воцарилась во всѣхъ областяхъ полная разруха. Безпощадною рукою ниспровергалось все, что такъ дорого человѣку въ сферѣ его духовныхъ ин-

тересовъ, безцеремонно и дерзко развѣнчивались близкія сердцу имена, великіе апостолы истины провозглашались невѣждами и отсталыми, дерзновенная мысль искала во всемъ новыхъ путей. И въ итогѣ — банкротство души, оскудѣніе религіозныхъ, общественныхъ и эстетическихъ идеаловъ. Бесильныя потуги сказать «последнее» слово, которое наполнило бы жизнь и успокоило недовольныхъ, разочаровываютъ ищущихъ. Переоцѣнка установившихся цѣнностей, ставшая общою модою, ничего не дала уму и сердцу и едва ли могла вполнѣ удовлетворить серьезнаго человѣка.

Яркое отраженіе всего этого мы находимъ въ литературѣ, съ поразительной точностью воспроизводящей все уродливыя отклоненія отъ нормы жизни. Въ ней, сверхъ того, мы находимъ, къ сожалѣнію, полное забвеніе благородныхъ традицій; въ ея настроеніяхъ отражается пережитая нами полоса*). Достаточно даже бѣгдо просмотрѣть беллетристику за истекшіе годы — и предъ вами промелькнетъ рядъ писателей, попавшихъ въ герои дня и имѣвшихъ крупный успѣхъ, которому не позавидуешь. Арцыбашевъ, Каменскій, Ценскій, Кузьминъ, Зиновьева-Аннибалъ, Сологубъ, Андр. Бѣлый и т. д. — Какая пестрая вереница именъ, которая историкъ регистрируетъ только для характеристики упадка мысли и нравовъ!**) Великіе идеалы, предносившіеся Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Тургеневу, жажда Живого Бога, тоска по лучшему, гражданская скорбь, любовь къ человѣку — гдѣ все это въ твореніяхъ современныхъ писателей (хотя бы указанныхъ)? Если и есть здѣсь проблески таланта, искра небеснаго огня, то они скрыты подъ уродливой и вымученной оболочкой, совершенно невосприимлемой для читателя, или же загромождены банальностью, пошлостью, переходящей всякіе предѣлы. И обланный читатель, растерянный, въ смущеніи стоитъ предъ хаосомъ созданій необузданной фантазіи, созерцая измельчаніе человѣка и нищету души.

Остановимся подробнѣе для иллюстраціи сказаннаго, на характерныхъ особенностяхъ литературнаго творчества послѣднихъ годовъ, которыя довольно мѣтко схвачены вашею современною критикою***).

Едва ли не самую выдающуюся чертою современной беллетристики истекшаго десятилѣтія является пресловутое стремленіе къ де-

*) Часто утверждаютъ, что упадокъ литературы недавняго прошлаго тѣсно связанъ съ политической жизнью Россіи послѣднихъ лѣтъ. Не касаясь этихъ соображеній (такъ какъ они не входятъ въ задачу настоящаго очерка), замѣтимъ только, что новыя вѣянія въ литературѣ (напр., хотя декадентство) начали обнаруживаться задолго до событій 1905 года.

**) Оговариваемся: далеко не все произведенія указанныхъ авторовъ заслуживаютъ осужденія. Но вѣдь иногда достаточно одной повѣсти, чтобы доставить писателю «звѣстность». Вспомнимъ, какъ прославился романомъ Санинъ Арцыбашевъ, у котораго — въ общемъ — нельзя отрицать таланта и наблюдательности.

***). Разумѣемъ интересный трудъ А. Измайлова «Помраченіе божковъ и новыя кумиры», гдѣ находимъ суровую оцѣнку разнообразныхъ вѣяній современной эпохи, и лекцію Венгерова «Набѣдители или побѣжденные?». Содержаніи книги Измайлова мы преимущественно и касаемся въ своемъ очеркѣ.

каденству, желаніе поразить воображеніе читателя новизною и оригинальностью сюжета и плѣнить его эстетическій вкусъ смѣлымъ сочетаніемъ самыхъ разнородныхъ представленій. Въ этомъ смыслѣ декадентство явилось издѣвательствомъ надъ всѣмъ, что искони было дорого русскому литературному самосознанію*). Что при этомъ правда жизни приносилась въ жертву капризу минуты, дешевому эффекту, мимолетному настроенію — на это мало обращалось вниманія. Даже наоборотъ: зачастую крикливая внѣшность обезпечивала успѣхъ произведенію, въ которомъ трудно было доискаться до здраваго смысла и гдѣ все скорѣе можно было принять за породію**). Знаменитое стихотвореніе Брюсова: «О, закрой блѣсныя ноги!» облетѣло всю Россію: онъ же умудряется видѣть «мѣсяцъ обнаженный при лазоревой лунѣ»... — Бальмонтъ проповѣдуетъ самыя рискованныя вещи, зводя въ свой звучный стихъ такіе неологизмы: расцвѣтность, пьяность, любовность, небесность, безгрѣховность...

Виртуозъ рифмы, Бальмонтъ преподноситъ читателю такіе перлы:

Иоанне, оайя, овайя,
 Йянтата, айявь, тилили.
 Богъ маиса — въ чертогѣ рожденья,
 Происхожденный домъ,
 Онъ въ мѣстѣ, гдѣ травамъ — цвѣтенье
 Онъ въ днѣ, что отмѣченъ цвѣткомъ.
 Йянтата, айявь, айяве,
 Оайяве, айяве, тилили!***)

Можно ли разоираться въ такой тирадѣ:

Я Витци и похтли, боець,
 Нѣтъ никого, какъ я...
 Гдѣ пляшуть, танцуютъ, поетъ тамъ Кветцаль-
 кокскокстли****)...

А вотъ попытка переложить въ стихи возгласъ «слова святыи»:

Слова святой
 Золотой,
 И серебрянной,
 Мѣдной-желѣзной
 Скрѣпѣ, блюдушей надъ зыбкою бездной,
 Твердой
 Надъ шаткой водой,
 Твердо-алмазной,
 Единосущной — надъ разной. И т. д...

*) Венгерова.

***) Въ «литерат. календарь-альманахъ» (1908 г.) помѣщены «Дружескія пародіи» Измайлова, составленныя искусною рукою и мѣстами — до в. зло. Читай ихъ, поражаешься безвкусицѣ авторовъ, которыхъ пародировалъ Пзмайловъ и стихотворенія, которыхъ мовуть явиться великопѣными пародіями.

*** и ****) Измайловъ, стр. 28, 30.

Дальше всѣхъ въ стремленіи выразиться непремѣнно оригинально пошелъ, кажется, Сергѣевъ-Ценскій. У него мы встрѣчаемъ такіе образы: «лицо, какъ широкая захалустная улица лѣтомъ... тѣло какъ туманъ весною... лицо стало, какъ колокольный звонъ... онъ говорилъ долго и безсвязно, точно поспѣшно плевалъ въ воздухъ и растиралъ кирпичами.. свой желудокъ онъ рядилъ въ рясы изъ звонкихъ словъ, обкладывалъ его лисьими хвостами пріятныхъ улыбокъ»...

И за всею этою жалкою риторикою—блѣдность содержанія, вялость мысли. Нѣтъ здѣсь глубины творческаго замысла, горячаго чувства. Не можетъ и тронуть такая безвкусица взыскательнаго читателя.

Мы могли бы увеличить приведенныя выдержки безъ конца, болѣзненная мода на крикливость внѣшности сдѣлалась обязательной, и нельзя было развернуть ни одного журнала, ни одной книги, чтобы не наткнуться на подобныя красоты языка.

Но эта уродливость формы—зло второстепенное. Гораздо хуже тѣ причуды фантазіи, въ какія отличилось творчество нашихъ писателей, и которыя вселяютъ положительное отвращеніе, скуку къ подобнымъ произведеніямъ. Поэты и прозаики желаютъ «передать непередаваемое», оригинальничаютъ во всемъ, измучивая вниманіе и пытаясь итти по новымъ путямъ въ искусствѣ. Отсюда—неограниченное господство символики въ творествѣ, при чемъ берутся самыя изысканные образы, рисуются явленія жизни въ самыхъ странныхъ соотношеніяхъ. Какъ смѣтрѣть на такой пріемъ? Имѣетъ ли символика право гражданства въ литературѣ?

Поэзія обыкновенно служитъ отображеніемъ дѣйствительнаго міра, претвореннымъ фантазіей въ рядъ картинъ и образовъ, черпающихъ основныя элементы изъ жизни. Но что такое жизнь? Всегда ли и всѣ ея явленія осязательны, уловимы, въ этомъ смыслѣ—реальны? Сколько разнообразныхъ моментовъ въ тайникахъ человѣческой души—почти неуловимыхъ, поддающихся анализу лишь самаго глубокаго психолога! Таковы, напр., еле сознаваемые настроенія нашей психики, чувства, въ которыхъ такъ трудно разобраться,—та область, гдѣ «хаосъ темный шевелится». А проблемы нашей жизни, высочайшіе вопросы о Богѣ и мірѣ, о задачахъ человѣческаго бытія—развѣ все это можетъ быть выражено съ осязательною точностью? Разумѣется, нѣтъ. Вотъ почему поэты и мыслители всегда признавали умѣстнымъ передавать это, такъ сказать, приблизительно, облекая мысль въ извѣстный образъ, соотвѣтствующій, по ихъ мнѣнію, реальности факта. Такою символическою широко пользуются писатели. Несравненная элегія Лермонтова «Ангель»—развѣ не символъ грустной тоски великой души, обреченной на земное странствованіе среди пошлости и низменныхъ интересовъ? Тютчевъ

далъ удивительные образцы символики, остающіеся до сихъ поръ непревзойденными. Его «стихотворенія въ прозѣ», отображая взгляды автора на самые различные вопросы, часто то или иное обсужденіе облакаютъ въ символическій образъ, тоньше и сильнѣе опредѣляющій творческую идею. Можно было бы, напр., ограничиться простою передачею факта состоявшагося примиренія между Тургеневымъ и Некрасовымъ. Но художники вводятъ въ рассказъ призраки смерти, которая соединяетъ руки бывшихъ враговъ,—предъ лицомъ ея умолкаютъ взаимная непріязни, мелкое тщеславіе, партійные счеты. Грозный Рокъ, рвущій надъ головой человѣка и приводящій его къ заключенію, что «соть судьбы не уйдешь»,—легкомысленное забвеніе человѣкомъ всего святаго, такъ что «благодѣтельность» и «благодарность» незнакомы одна съ другой,—ничтожность предъ вѣчностью и тщета стремленій смертнаго, рѣзко выдѣляющіяся при сопоставленіи съ великими явленіями природы и совершенно слѣднѣющія въ разговорѣ двухъ великановъ—могучихъ горь,—равнодушіе природы къ тому, чѣмъ болитъ и чего жаждетъ человѣчество,—природы, думающей въ это время объ увеличеніи силы мышцъ блохи, такъ какъ для нея всѣ твари равны, а «добро, разумъ, справедливость»—придуманы человѣкомъ и обязательны лишь для него,—всѣ эти вопросы Тургеневъ раскрылъ символически. И однако посмотрите, какъ выполнилъ свою задачу знаменитый художникъ. его «стихотворенія» дышатъ жизнью, символы полны глубокаго смысла содержанія и непередаваемой прелести образа и говорятъ сами за себя, не нуждаясь ни въ какихъ комментаріяхъ. Здѣсь затронуты темы, надъ которыми задумается всякій. Наконецъ излишне прибавлять, что въ эстетическомъ отношеніи «стихотворенія»—верхъ совершенства. Такая символика не только законна, но и жизненна, доступна каждому и глубоко влияетъ на умъ и сердце читателя. Это—одинъ изъ приемовъ творчества, при помощи котораго отвлеченныя идеи передаются наглядно.—Къ сожалѣнію, совершенно иное даетъ намъ современная литература, гдѣ измышленія фантазіи граничатъ съ полнымъ неправдоподобіемъ и являются уродливыми и смѣшными, часто—болѣзненными; имъ мѣсто не въ области критики, а въ отдѣлѣ психопатологіи. Вдохновенный призывъ къ добру и правдѣ замѣняется бездарнымъ, убогимъ сочинительствомъ пошлыхъ и уродливыхъ сценъ и картинъ, претящихъ вкусу здороваго человѣка. Поражаешься, читая, что преподносятъ современные знаменитости и какъ умѣютъ онѣ изуродовать факты жизни, здравую мысль, простоту отношеній. Каждый писатель словно ставитъ предъ собою девизомъ своеобразный афоризмъ извѣстнаго писателя О. Уальда (кстати сказать—тоже не безгрѣшнаго въ данномъ отношеніи); человѣкъ долженъ быть какъ можно болѣе искусственнымъ...

Вотъ нѣсколько примѣровъ такой «оригинальной» писательской манеры. Начнемъ съ извѣстнаго современнаго художника Л. Андреева. Кто читалъ его любопытный разсказъ «Сынъ человѣческой», тотъ не можетъ не удивиться тому, что иногда выходитъ изъ подъ пера талантливаго писателя. Трудно представить себѣ, чтобы священникъ могъ приучать щенка къ граммофону; еще менѣе правдоподобно, что шенокъ сошелъ съ ума и, «отчаявшись найти правду жизни»(1), оканчивается самоубійствомъ... А Иуда, предательствомъ Христа выражающій свою безмѣрную любовь къ Нему и позоромъ собственнаго преступленія бросающій всему міру, что всѣ Иуды,—развѣ это евангельское повѣствованіе? Анатѣма, вызвавшій многочисленныя комментаріи, доступенъ ли сознанію читателя? Выразилъ ли онъ ясно и отчетливо идею автора?*(2). Возьмемъ теперь Сологуба, у котораго «исканіе смерти, безуміе и похоть сплетаются въ одинъ страшный кошмаръ»**(3). Вотъ предъ вами дѣвушка, натолкнувшаяся на мысль, что случайно умершій незнакомецъ—ея женихъ. Она усердно исполняетъ обязанности тоскующей невѣсты, посѣщаетъ панихиды, провожаетъ покойника («опечаленная невѣста»)... Можетъ ли это быть? Автору нѣтъ до того дѣла,—онъ сочиняетъ другое, такое же «жизненное» произведеніе—«смерть по объявленію». Одинъ субъектъ приглашаетъ къ себѣ по объявленію газеты женщину, которая бы выдала себя за смерть. Та приходитъ, жалитъ его смертельно и умираетъ сама...—Попробуйте разобраться въ «Симфоніяхъ» Андр. Бѣлаго:***)

1) Въ тотъ часъ въ аравійской пустынѣ усердно рыкалъ левъ; онъ былъ изъ колѣна Иудина. 2) Но и здѣсь, на Москвѣ, орали коты. 4) На крышахъ можно было замѣтить пророка. 5) Онъ совершалъ ночной обходъ надъ спящимъ городомъ. 7) Это былъ покойный Влад. Соловьевъ. 9) Иногда онъ вынималъ изъ кармана крылатки рожекъ и трубилъ надъ спящимъ городомъ. 11) Храбро шагалъ Соловьевъ по крышамъ. 14) Хохотала красавица—зорька... —«Темныя силы» являются героями произведеній. Вотъ, напр., молитва Сологуба:

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ: Отецъ мой, дьяволъ,
Спаси, помилуй,—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей;
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.

*) Современный критикъ Айхенвальдъ произведенія Андреева называетъ «едва ли не сплошной околесицей». Силуэты русск. писат., в. III.

***) С. Венгеровъ, ***) Измайловъ, 199.

Дьяволь спасаетъ его, и онъ поетъ:

Тебя, Отецъ мой, я прославлю,

Въ укоръ неправедному дню;

Хулу надъ міромъ я возславлю

И соблазняя соблазну.

Брюсовъ «хочетъ прославить и Господа и Дьявола»...

Ко всему этому нужно добавить, что часто подобный вздоръ наполненъ порнографіей, — чуть не въ каждомъ произведеніи можно было натолкнуться на то, о чемъ принято молчать. Противоестественныя отношенія половъ, извращенія здороваго чувства; дурныя болѣзни — нашли себѣ широкое распространеніе въ современной беллетристикѣ. «Сцена и страницы книжекъ стали мраморными столами клиники. Старинный терминъ «герой» во многихъ случаяхъ сталъ звучать странно и неточно. Его съ большимъ удобствомъ можно было бы замѣнять болѣе прозаическимъ «субъектъ» или «пациентъ»*). Сразу воскресли многіе грѣхи соблазна — и заперстрѣли герои циничныхъ разсказовъ, русскіе и иностранные. «Русская карамазовщина и свидригайловщина сплелись въ мерзкомъ и склизкомъ рукопожатіи и вступаютъ въ какую то новую и еще горшую фазу, гдѣ слышится безвкусіе и вырожденіе «Смердякова»**). Достаточно вспомнить скандальный успѣхъ «Савина», герой котораго освободилъ себя отъ совѣсти, долга, условій приличія, общественной нормы. Неужели же — спросимъ съ критикомъ — не стыдно авторамъ подобныя произведенія предлагать дѣтямъ, братьямъ, сестрамъ, матерямъ? Неужели жажда успѣха, чѣмъ бы онъ ни достигался, заглушаетъ въ человѣкѣ всѣ — нравственныя требованія, литературныя приличія, затемняетъ даже фантазію его?

Отсюда одинъ шагъ до тлетворнаго, ужасающаго вліянія подобной «литературы» на общественныя нравы. Если она широко распространяла порнографію, то почему же ей было не воспитывать огарочныхъ кружковъ? Андреевская «бездна» поглащала «человѣка» — и предъ нами одинъ сладострастный похотливый звѣрь, отъ котораго всякій долженъ былъ съ ужасомъ бѣжать. Стыдно и обидно вспомнить недавнее прошлое, какъ незаслуженно забыты были наши великіе писатели-носители міровой истины, умѣвшіе глаголомъ жечь сердца и соединявшіе высоту содержанія съ внѣшнимъ совершенствомъ стиля.

Какая сдержанность отличаетъ творенія Пушкина, Тургенева, Достоевскаго, Гаршина, Короленко, Чехова, какъ осторожно подходятъ они къ сердцу читателя, боясь оскорбить его чѣмъ-либо грубымъ и рѣкимъ! Если имъ и приходится касаться острыхъ жизненныхъ вопросовъ, то это дѣлается съ глубокимъ умѣньемъ психоло-

*) Измайловъ, стр. 102, **) стр. 108.

гическимъ тактомъ. Найдите у нихъ хотя строчку пошлости, которая напомнила бы безстыдство современное порнографіи. Достоевскій, выведя въ «Преступленіи и наказаніи» падшую дѣвушку, затронулъ одну изъ самыхъ жгучихъ темъ общественной жизни; но посмотрите, какъ онъ раскрылъ ее. Здѣсь—соціальное зло въ философскомъ освѣщеніи; для анализа явленія авторъ устанавливаетъ моральную точку зрѣнія. Совершенно иное отношеніе къ подобнымъ вопросамъ мы находимъ у современныхъ авторовъ.—И если Гоголь, Достоевскій, Чеховъ, Гаршинъ, Толстой, отыскивая въ падшемъ человѣкѣ, вмѣстѣ и сами страдали за него, не отдѣляя себя отъ обиженныхъ и угнетенныхъ, то наши писатели поступаютъ иначе—улаживаютъ вкусъ публики развращенными созданіями своей фантазіи и любятъ этимъ. На первый планъ выдвигается не жажда нравственнаго подвига, чѣмъ такъ велика наша настоящая литература,—а эгоистическое упоеніе жизнью,—создается цѣлый культъ личныхъ наслажденій, которымъ въ жертву приносится все.

Недавно увѣнчанъ лаврами Академика современный писатель И. Бунинъ. И вотъ появляется его повѣсть «Деревня»*),—не лишняя, быть можетъ, литературныхъ достоинствъ, но воспроизводящая съ такимъ «реализмомъ» неинтересныя подробности грубой обстановки, что становится совѣстно. И это—академическое произведеніе! Можно ли указать на него юношеству, какъ обыкновенно рекомендуютъ Тургенева, и сказать: «Вотъ художественная литература! Воспитывайтесь на ней, черпайте здѣсь высокія идеи, развивайте изящный вкусъ!»? Можно ли упоминать всѣхъ подобныхъ авторовъ, которые такъ чужды божественнаго глагола вдохновенія?

Странное время мы переживаемъ, но оно, кажется, близится, слава Богу, къ концу. Да это и понятно. Должна же наконецъ возмутиться совѣсть, заговорить здравый разумъ, возродиться стремленіе къ вѣковѣчнымъ идеаламъ. Снова—мы увѣрены въ этомъ—вмѣсто жалкихъ Каменскихъ, Кузминыхъ и проч. станутъ властителями думъ наши корифеи, гордость и слава родной литературы. И опять ихъ мощный голосъ подскажетъ сердцу читателя, гдѣ обфотованная земля, каковы идеалы правды и счастья и каково назначеніе человѣка-гражданина. Пусть только скорѣе наступитъ этотъ день, когда для всѣхъ станетъ ясно, что оскудѣніе души прекратилось

(Орловск. Епарх. Вѣд.).

А. К.

Паломничество въ Саровъ.

Давно я мечталъ побывать въ Саровской пустыни, поклониться мощамъ препод. Серафима и посѣтить мѣста, освященные трудами

*) Сопр. міръ, 1910, стр. 3.

русскаго угодника Божія. Въ этомъ году я могъ исполнить свою завѣтную думу, благодаря нашему любимому Архипастырю, который внялъ моимъ просьбамъ и рукоположилъ для моего многочисленнаго прихода помощника. Новорукоположенный собратъ—въ радости приобрѣтенія священническаго сана, далъ себѣ обѣщаніе до дневнаго непрерывнаго служенія, чѣмъ рѣшилъ и мой вопросъ о паломничествѣ. Телеграммой отъ Архипастыря я получилъ отпускъ и черезъ нѣсколько дней, я и семья, были готовы для пути. Пришлось ѣхать безъ знанія дороги, условій поѣздки, свѣдѣній о монастырской жизни—это немного омрачало радость пути и потомъ я много горевалъ отъ незнаній удобствъ пути, почему и позволяю себѣ описать хотя кратко свое путешествіе. Я не первый и не послѣдній паломникъ изъ Туркестанскаго духовенства къ Серафимовской обители и смѣю думать, что своими строками принесу пользу тѣмъ, кто надумаетъ возгрѣть свое религіозное чувство въ пустынѣ любвеобильнаго Старца. Ж. д. начальство узнавъ о цѣли моей поѣздки любезно предоставило мнѣ отдѣльный вагонъ до Самары и сколько разъ, во время пути, я мысленно благодарилъ своихъ сослуживцевъ за эту любезность. Выѣхали мы (я и семья) въ 4 часа утра 25 іюня. Какъ тронулся поѣздъ мы не слышали, проснулись тогда, когда Ташкентъ былъ далеко за нами; промелькнула первая станція Келесъ, славящаяся виноградомъ и.. лихорадками, проѣхали и горныя преграды Ташкента—мысленно, на ст. Кабулсай, обратились къ Вѣрному, прося благословенія Архипастыря, вспоминая свое тамъ спокойное служеніе. Вотъ и станція Арысь, тотъ пунктъ, который свяжетъ Западный Туркестанъ съ богатѣйшей Семирѣченской областью. Бѣдень теперь и жалокъ городокъ Арысь. Нѣтъ ни воды, ни деревьевъ, ничего—на чемъ-бы могъ отдохнуть глазъ, а между тѣмъ достаточно взяться съ энергіей за его благоустройство и вмѣсто этихъ жалкихъ домиковъ, палящаго зноя—зацвѣтеть пустыня, раскинетъ свои вѣтви чиназъ, покроется все садами и жалкая деревушка—будетъ мѣстомъ отдыха и складомъ богатства края. Надъ всѣмъ Туркестаномъ стоитъ стонъ «воды» и «воды». Иной разъ до слезъ больно за русскую инертность и косность.

Недавно въ газетахъ сообщалось о грандіознѣйшихъ работахъ законченныхъ въ Египтѣ по орошенію Нильской долины и бесплодная Египетскія степи нынѣ возрастили золото въ карманы предприимчивыхъ англичанъ, а мы.. и получше насъ были витіи, но и тѣ ничего не сдѣлали, чтобы разбудить лѣнливый сонъ русскаго богача и легкоживущаго инженера. Мнѣ пришлось въ поѣздѣ ѣхать съ итальянскимъ инженеромъ (изъ Милана) и туркомъ изъ Марокко. Въ пути быстро завязываются знакомства. Турокъ послѣ предварительныхъ обычныхъ словъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ (говорилъ итальянецъ по русски очень плохо, турокъ же порядочно)

«батюшка, вотъ итальянецъ удивляется что по такой бесплодной степи провели дорогу, какой смыслъ имѣть столько земли, которая можетъ служить только могилой для всего живого». Позвольте Вамъ отвѣтить, отвѣчаю я, характерной фразой сложившейся въ Туркестанѣ о свойствахъ нашей почвы: «воткните здѣсь оглоблю, полейте водой и выростетъ телѣга». Дайте только воду этой «могилѣ» и вы не узнаете черезъ три года этой яко-бы бесплодной степи. Надо было видѣть всю радость турка, когда онъ услышалъ отъ меня этотъ отвѣтъ, а когда я ему указалъ на «Голодную степь» гдѣ раньше кромѣ фалангъ и тарангуловъ ничего не было, а теперь она покрыта деревьями и полями и др. мѣста орошенныя въ послѣдніе годы, то итальянцу—инженеру пришлось чуть не бѣжать изъ вагона, ибо послѣдній всю дорогу допекалъ турка, доказывая «русскую глупость», стремящуюся захватить побольше, но то, что никому не нужно. Турокъ-же, имѣющій торговлю съ Россіей, защищалъ русскихъ, но плохо знакомый съ жизнью и условиями Туркестана только сердился, не зная что отвѣтить. Итальянецъ спасовалъ и я всю дорогу долженъ былъ давать поясненія о Туркестанѣ. Эта встрѣча дала мнѣ возможность сравнить нашу работу по орошенію съ работами въ Африкѣ и только ниже склонялась голова отъ позорной лѣни русскихъ культуртрегеровъ. А поѣздъ идетъ, быстро двигаясь на сѣверъ, немилосердно жжетъ солнце, въ отдѣльномъ вагонѣ стоитъ 35—36°, что дѣлается въ купѣ общаго вагона трудно и представить. Нашъ праводникъ на каждой станціи запасается водой и ребятишки все время купаются. Вотъ вечерняя прохлада, надежда на покой, но увы, мы забыли что подъѣзжаемъ къ Чилианъ (по берегу Сыръ-Дарьи). Тучи комаровъ ринулись въ открытыя окна, погасили огни, затѣяли борьбу, но побѣдителями все-же оказались они, отставъ отъ насъ только за Перовскомъ. Опять солнце, опять степь. Вотъ и Казалинскъ. Города не видно, но видна станція съ хорошенькой церковью и поселкомъ «Камыши». Говорить о «Камышахъ» значить говорить о всѣхъ поселкахъ Туркестана.

Пріѣхали. Посѣлились. Начинаютъ гнать, не признавать поселка, а домики растутъ какъ грибы. Живутъ годы, а все «самовольщы». Идетъ торговля, устрояется базаръ, а поселокъ все нелегальный и живутъ надеждой на закрѣпленіе и страдаютъ отъ отсутствія воды. Въ поселкѣ до 200 дворовъ, но все выжжено; жалкіе посадки, поливаемые ведромъ, чахнутъ отъ знойныхъ лучей, а Сыръ-Дарья льетъ свои воды, заливая полотно, принося убытки въ сотни тысячъ отъ размывовъ пути. Широка русская натура, въ день губить достояніе, собираемое вѣками. Скорѣй до другой картины; отрѣшится хотя на время отъ боли за свой дорогой Туркестанъ. Вотъ и Аральское море. Виднѣются мачты шкунъ и рыбацкихъ ло-

докъ. Такъ бы и бросился въ чистыя воды моря, но поѣздъ не хочетъ ждать да и цѣль наша не здѣсь. А хорошо море! Сколько богатствъ оно скрываетъ въ себѣ.

Хищники уже набросились. Рыбу выбираютъ вагонами. Въ мѣстной прессѣ была даже замѣтка, что Аральское море богаче рыбой Каспійскаго, но Туркестанъ почти не видитъ этой рыбы, ее увозятъ въ Россію и рыбаки, заарендованные промышленниками, подѣ страхомъ тяжкаго штрафа не смѣютъ продать улова частному покупателю. Около моря есть и грязи, но не произведено изслѣдованій, нѣтъ мѣста и для ночлега. Ждетъ иностранцевъ, авось они намъ помогутъ. Ѣдемъ дальше; мѣстность начинаетъ мѣнять характеръ, начинаются неровности, возвышенности, поѣздъ идетъ по 11 верстѣ въ часъ, подъемъ въ гору. Подъѣзжаемъ къ ст. Беръ-Чогуръ. Слава Богу, хоть здѣсь-то нашлись добрые люди, обратившіе вниманіе на свое родное. Управление Ташк. ж. д. устроило здѣсь курортъ — лѣчебницу для легочныхъ больныхъ. Высокая мѣстность, чудный воздухъ, горный кумысъ — дѣйствительно дѣлаютъ это мѣсто климатической станціей. Управленію выстроило, на спѣхъ, нѣсколько домиковъ, поставило юрты, заарендовала табунъ кабылицъ и дало возможность больнымъ служащимъ поправить свое разшатанное здоровье. Дорога бесплатно даетъ помѣщеніе, кумысъ и столъ — (завтракъ, обѣдъ и ужинъ). Семьи больныхъ живутъ въ здѣшней маленькой, въ 20 дворовъ, деревушкѣ. Больные устраиваютъ поѣздки въ горы и чувствуютъ себя прекрасно. Частнымъ больнымъ жить затруднительно, деревушка мала, а на свободной землѣ (въ 10 вер. отъ станціи), не позволяютъ селиться. Поговорили съ больными, порадовались ихъ здоровью, выслушали спасибо дорогъ и Ѣдемъ дальше. Ст. Эмба. Небольшой ж. д. поселокъ. Строится церковь — небольшая, но очень нарядная. Вспомнилъ здѣсь свои ходатайства о построении церкви на ст. Туркестанъ и попечаловался за отказъ. Развѣ можно сравнить такую бѣдную, съ поселкомъ, станцію какъ Туркестанъ съ Эмбой, а между тѣмъ послѣдней вышло на счастье нѣтъ храмъ, а Туркестанцы только мечтаютъ объ этомъ. Говорятъ около Туркестана есть поселки о которыхъ почти никто не знаетъ просили о. протоіерея Восторгова выслать походную церковь и если Владыка благословитъ — то при первой возможности выѣду отыскать русскихъ поселенцевъ. Подвигаемся къ Оренбургу, надежда на прохладу пала, жара еще сильнѣе и только живешь мечтой о купаньи на Уралѣ. Виднѣтся и Оренбургъ. Въ дымкѣ — красавецъ Соборъ. Вотъ и знаменитый Уралъ. Какимъ грандіознымъ его рисовало воображеніе. Невольно вспоминаешь Пугачева, Яикъ (Уралъ) степи Оренбургскія, а увидишь все воочию и картина теряетъ свою прелесть, все такъ просто, обыденно и древній Яикъ, ничтожная рѣчка съ мутной водой. Ниже, около г. Уральска, говорятъ уралъ

и широко и глубоко, да и здѣсь весной разливается далеко по низменному берегу, но въ іюнѣ—обычная рѣченка, для которой жалко такого грандіознаго ж. д. моста. Рѣшили сутки провести въ Оренбургѣ. Нужно сходить въ Управление и поближе познакомиться съ городомъ. Вагонъ нашъ отцѣпили и при любезности начальника станціи поставили его около вокзала. Поѣхали на Уралъ—въ купальни. Мы привыкли считать себя азіатами и все имѣющееся у насъ находить плохимъ не важнымъ. Съѣли мы на оренбургскихъ извозчиковъ и съ восторгомъ вспомнили свои ташкентскіе экипажи. Извозики простые сѣрые мужики, вкусившіе прелесть городской жизни. Плутня, грубость и грязца—свойство оренбургскихъ извозчиковъ, Есть нѣсколько хорошихъ калясокъ, но ихъ такъ мало, что ждать ихъ надо часами. Ёдемъ долго, проѣхали весь городъ, ѣдемъ берегомъ—вотъ и купальни. Купальни приличны, дномъ служить рѣка. Вошелъ въ воду и поморщился, нѣтъ и тѣни охлажденія, тепло до тошноты. Опять на умъ Ташкентъ съ своими примитивными купальнями, но съ холодной водой. Все таки отмылись отъ пыли. Извозики требуютъ за поѣздку по 2 руб. Спрашиваю таксу—нѣтъ. Торговались долго, порѣшивъ на 3 руб. двумъ извозцамъ. Говорю на станціи и тамъ только ухмыляются. «Кого-же не надутъ, какъ ни проѣзжающаго». Будемъ осторожны на слѣдующій разъ.

Поѣхалъ разыскивать Г. Антипина, бывшаго старосту Асхабадской кладбищенской церкви, добраго христіанина и радѣтеля о церкви и духовенствѣ. Онъ въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку и назначенъ правителемъ дѣлъ Управленія Ташкентской дороги. Недавно онъ на дорогѣ, а ж. д. духовенство уже чувствуетъ добрую руку и постоянную готовность поддержать интересы духовенства. Съ искреннимъ удовольствіемъ познакомился съ нимъ, принося ему благодарность за доброе служеніе церкви Туркестанской и ея служителямъ. Г. Антипинъ и бывший секретарь Туркестанскаго Владыки Г. Валько много помогаютъ дѣлу церкви и безъ нихъ едва ли мы могли бы работать съ такой продуктивностью. Въ положеніи о желѣзныхъ дорогахъ нигдѣ нѣтъ ни звука о духовенствѣ, такое безправное положеніе, при сильной власти ж. д. начальства, дѣлало-бы положеніе ж. д. отчаяннымъ, но при настоящемъ Архипастырѣ и при помощи вышеназванныхъ лицъ мы увѣрены въ закрѣпленіи за нами правъ, которые имѣютъ простые стрѣлочники. Въдь, правда, странно, что наша мечта не идетъ дальше правъ низшаго ж. д. персонала, если бы мы ихъ имѣли, то наше положеніе не зависѣло-бы отъ частныхъ лицъ и отъ личнаго отношенія къ власти имущимъ. Вопросъ о положеніи ж. д. очень серьезень и сложенъ и онъ послужитъ предметомъ особой статьи, а теперь только считаю долгомъ заявить свою признательность Г. Г. Антипину и

Валько за ихъ сердечную любовь къ храмамъ Божиимъ и служителямъ алтаря Господня. Такіе люди теперь рѣдки и мы счастливы сознавая, что дѣло церкви не будетъ послѣднимъ дѣломъ Управленія, пока во главѣ стоятъ честные, христіански настроенные люди.

Въ 4 часа пополудни, въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла мы съ почтовымъ поѣздомъ подѣхали къ Самарѣ. Оренбургъ еще долго посылалъ лучи отъ крестовъ церквей, но и они потомъ скрылись. Бѣгутъ колеса, посвистываетъ паровозъ и одна картина смѣняетъ другую. Проѣхали огороды, съ сотнями колодезевъ для полива, проѣхали лѣса и открылись поля съ хлѣбами, вырисовывая на горизонтѣ станицы и выселки съ чистенькими храмами и стогами сѣна. Какой чудный хлѣбъ, какой богатый урожай, но есть полоски и съ жидкими колосьями и рѣдкимъ хлѣбомъ. Лѣнь-ли русская, бѣдность-ли казачья здѣсь виновата, а можетъ быть и случайныя причины. Не успѣешь взглядѣться, а хлѣбъ опять зажелтѣлъ, радуя и сердце и глаза. Съ радостнымъ сердцемъ за казацкій хлѣбъ улеглись спать. Какая прелесть. Свѣжій вѣтерокъ подуваетъ въ окно. Нѣтъ ни пыли, ни духоты и въ первый разъ, послѣ Ташкента, мы, какъ убитые, заснули, ласкаемые россійскимъ вѣтеркомъ, запахомъ полей. «Самоваръ готовъ, сейчасъ будетъ Кинель» такими словами насъ разбудилъ проводникъ. Взглянули въ окно, во всю ширь раскинулась пшеница, еще сильнѣе поражая насъ, отвыкнувшихъ отъ раздолья запаханыхъ полей и такой массы хлѣба. Обращаю вниманіе дѣтей на станцію Кинель, гдѣ скрещаемся съ сибирскимъ поѣздомъ. Вотъ оттуда и мы обратно сюда приѣдемъ. Путь веселъ, въ двѣ колеи, быстро промелькнули 40 верстъ и въ далекѣ виднѣется Самара—первый россійскій городъ и матушка Волга.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. А.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Ред. изд. «Петербургскихъ Вѣдомост.» князю Э. Э. Ухтомскому.

Для характеристики приемовъ газетной палемики, допускаемыхъ нѣкоторыми періодическими изданіями, даже праваго направленія, не безъинтересно привести открытое письмо ред. изд. „Петербургскихъ Вѣд.“ кн. Ухтомскому.

Сколько грязи выливаетъ ежедневно эта газета на представителей православной церкви и, между тѣмъ, является очень распространенной среди нашего духовенства.

„Не такъ давно вы, князь, обратились ко мнѣ, пишетъ Ред. „Русской Земли“ съ личнымъ письмомъ, въ которомъ, возражая на обвиненіе, выдвинутое „Русской Землей“ противъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ прислуживаніи инородцамъ вы старались увѣрить меня, что ваши сотрудники—честные и скромные труженники, а сами вы въ теченіе многихъ лѣтъ вѣрой и правдой служите Царю и отечеству. Я тогда же отвѣтилъ вамъ, что никогда не сомнѣвался въ честности и

прямотѣ убѣжденій большинства вашихъ сотрудниковъ, и высказалъ удивленіе по поводу того, какъ рядомъ съ этимъ честнымъ большинствомъ безусловно правыхъ дѣятелей уживаются у васъ лица, измѣнившія русскому дѣлу, завѣдомыя клеветники, грязные пасквильянты.

Теперь по этому вопросу, лично вами въ письмѣ ко мнѣ возбужденному, я хочу поговорить подробнѣе; но такъ какъ между нами не существуетъ никакихъ личныхъ отношеній, да притомъ же и вопросъ самъ по себѣ имѣетъ значеніе общественное, то я при обращеніи къ вамъ избираю форму открытаго письма.

Я буду говорить о вашемъ сотрудникѣ по церковнымъ вопросамъ—объ „ученомъ канонистѣ“ Николаѣ Дурново.

Уже не первый годъ на страницахъ вашей газеты этотъ, очевидно, психически-ненормальный человекъ обливаешь грязью скверной клеветы выдающихся церковныхъ дѣятелей, всѣми почитаемыхъ архипастырей и пастырей духовныхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оклеветанныя вами при посредствѣ Дурново лица обращались къ вамъ (въ редакцію вашей газеты) съ опроверженіями этой клеветы,— вы (ваша редакція) таковыя опроверженія печатать отказывались.

Клевета и грязь, распускаемая вами (при посредствѣ Дурново), съ радостью подхватывалась инородческими газетами, и эти послѣднія, ссылаясь на Васъ, князь, и на вашъ органъ, издѣвались надъ вѣрой православной и глумились надъ церковными дѣятелями. Вы давали обильный матеріалъ для подобныхъ глумленій, Вы—источникъ, изъ котораго съ такимъ обиліемъ изливались за послѣдніи 2—3 года смрадная клевета на выдающихся дѣятелей Церкви.

Все сильное. все яркое въ этомъ мірѣ не избѣгло не заслуженныхъ поношеній со страницъ вашей газеты. Особымъ же вниманіемъ въ своихъ клеветническихъ писаніяхъ Дурново подарилъ протоіерея І. І. Восторгова.

Извѣстенъ его пасквиль, выпущенный отдѣльной брошюрой, которой строчка за строчкой документально опровергнуть протоіереемъ Восторговымъ.

Для васъ, князь, послѣ этого должно бы стать яснымъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло въ лицѣ Дурново. Однако, вы не только не преградили для Дурново дальнейшую возможность дѣлать вашу газету очагомъ клеветы, но допустили его до неоднократныхъ повтореній этой опровергнутой клеветы.

Этого мало. Не такъ давно на страницахъ вашей газеты Дурново, со словъ нѣкоего провокатора въ правомъ лагерѣ присяжнаго повѣреннаго Балашева, опубликовалъ списокъ гимназистокъ тифлисской женской гимназіи, которыя будто бы въ бытность протоіерея Восторгова законоучителемъ этой гимназіи были имъ соблазнены и изъ за этого покончили съ собой.

Мы на страницахъ „Русской Земли“ опровергнули эту безпримѣрно ноглую клевету, которою вы, князь, запятнали вашъ органъ. Мы указали, что шесть фамилій этихъ гимназистокъ просто-на-просто вымышлены, что за время преподаванія протоіерея Восторгова въ тифлисской гимназіи гимназистокъ съ такими фамиліями не было.

Ваша редакція получаетъ нашу газету, но, не надѣясь на ревность Вашихъ сотрудниковъ, я послалъ № газеты съ нашимъ опроверженіемъ Вамъ лично и въ Вашу редакцію съ особой отмѣткой.

Спрашиваю, князь, не лежало ли на Васъ нравственной обязанности, злобно оклеветавъ человека, исправить эту ошибку и помѣстить то, что мы опубликовали по этому поводу?

Вы скажете, что наше опроверженіе носить неофициальный характеръ. Да не объофициальности вѣдь я веду и рѣчь, а о порядочности... О вашей литературной порядочности, князь! Я знаю, что Васъ можно заставить напечатать опроверженіе, но не это намъ важно: намъ важно видѣть Вашу добрую волю, направленную на исправленіе Вами же содѣяннаго гнуснаго дѣла.

И этого мы не видимъ.

Не так давно, во время моего отсутствія изъ Москвы, со словъ „Голоса Москвы“ наша газета повторила невѣрный слухъ о Вашемъ сотрудникѣ г. Рославлевѣ, литературной дѣятельности котораго, къ слову сказать, я глубоко не сочувствую. Я получилъ этотъ № больной, лежа въ постели, и немедленно телеграфировалъ объ исправленіи невольной оплошности. Но еще до полученія этой телеграммы мой замѣститель испривилъ свою ошибку. Иного я себя и представить не могу... Ошибка возможна. Возможно что и Вы, помѣщая клевету Балашова и Дурново, вѣрили ей, но теперь прошла недѣля, какъ клевета опровергнута. Что же молчитъ ваша газета? Что же не исправить она по доброй волѣ свою ошибку?

И невольно сопоставляя этотъ случай съ цѣлымъ рядомъ другихъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто ранѣе, приходишь къ убѣжденію, что здѣсь не ошибка, а сознательная гнусность—гнусность, возведенная въ систему, гнусность, служащая вполне прозрачнымъ цѣлямъ, имѣющая въ лицѣ Дурново достойнаго выразителя?

А ваша роль князь?

Что ужъ говорить о долготѣнней вѣрной службѣ отечеству, спросимъ просто о самой элементарной литературной порядочности! Гдѣ она?!

Вы принизили вашъ органъ до уровня грязнаго памфлетнаго листка, вы, попустительствуя завѣдомо лживымъ клеветническимъ измышлениямъ г. Дурново, являетесь его соучастникомъ; вы, допуская непристойныя хуленія на дѣятелей Церкви, служите на руку злѣйшимъ врагамъ Церкви.

Вы и всѣ вамъ подобные отвѣчаютъ на такія обвиненія заявленіями;

—Привлекайте къ суду!

Да, конечно, Васъ, какъ ответственное за газету лицо, давно бы слѣдовало привлечь къ суду. Но вы клеветаете на такихъ лицъ, которымъ санъ и положеніе не позволяютъ съ вами судиться.

Вамъ и обдѣлывающему подъ вашимъ прикрытіемъ свои темныя дѣлишки „ученому канонисту“ Николаю Дурново, къ сожаленію, некому дать заслуженнаго урока. Такъ вотъ, крайне возмущенный злою работою вашего органа и не имѣя никакихъ средствъ воздѣйствія противъ васъ, я рѣшилъ обратиться къ вамъ съ этимъ открытымъ письмомъ, предоставляя вамъ въ дальнѣйшемъ поступить, какъ подскажутъ вамъ ваша совѣсть и ваша честь.

(Колоколь).

М. Д. Плещеевъ.

Епархіальная и общая хроника.

Религіозное торжество на урочищѣ Дербисекъ Ташкентскаго уѣзда 22 августа на заимкѣ Ташкентскаго женскаго монастыря, въ 18 верстахъ отъ Ташкента, состоялось съ благословенія Преосвященнѣйшаго Димитрія Епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго торжество закладки каменнаго молитвеннаго дома, сооружаемаго для проживающихъ на заимкѣ сестеръ монастыря.

Исключительное рѣдко для степи событіе привлекло значительное количество паломниковъ изъ сосѣдняго селенія Черняевскаго и изъ другихъ ближайшихъ мѣстностей, и даже нѣсколько человекъ городской публики.

Въ назначенное заранѣе время къ мѣсту закладки изъ с. Черняевскаго тронулся крестный ходъ во главѣ со священникомъ и настоятельницей Ташкентскаго монастыря. На половинѣ дороги процессія была встрѣчена другимъ крестнымъ ходомъ, вышедшимъ на встрѣчу съ монастырской заимки; просторъ степи, плавно рѣющія по воздуху, какъ бы осѣняющія толпу, хоругви, стройное, сливающееся въ общую гармонию пѣніе двухъ хоровъ, и тихій, купавшійся въ лучахъ заходящаго солнца августовскій вечеръ,—все это создавало дивную, трогательную

картину общей народной хвалы Создателю „единымъ сердцемъ.“ Подъ воодушевленное пѣніе разстояніе въ 3 версты было пройдено не замѣтно. По прибытіи на мѣсто закладки и установкѣ правильнымъ полукругомъ иконъ, начался „чинъ основанія.“ совершенный двумя священниками—с. Кауфманскаго о. В. Скворцовымъ и монастырскимъ о. Г. Ивановымъ. Мѣстонахожденіе будущей часовни, отведенное для этой цѣли съ самаго основанія заимки, представляетъ большую квадратную площадь, со всѣхъ четырехъ сторонъ заботливо обсаженную руками инокинъ стройными молодыми тополями; расположенное въ сторонѣ отъ жилищъ помѣщеній и скрытое зеленой стѣной деревьевъ, мѣсто какъ нельзя лучше отвѣчаетъ выбору его для уединенія и молитвы. Фундаментъ зданія имѣетъ овальную форму размѣрами 16×10 аршинъ.

За богослуженіемъ въ восточную стѣну зданія священнослужителями была вѣлана каменная доска съ соотвѣствующей надписью. Первые камни положены были совершавшими богослуженіе священниками, настоятельницей монастыря игуменіей Лидіей и особенно много потрудившейся надъ устройствомъ заимки монахиней Евпраксіей. По обхожденіи со Св. водой четырехъ сторонъ фундамента священникъ Ивановъ обратился къ молящимся съ приблизительно слѣдующимъ словомъ на текстъ 45 псалма: *„Рѣчная устремленія веселятъ градъ Божій; осытѣли еси селеніе Твое, Вышній.“* Каждый разъ при посѣщеніяхъ сего мѣста невольно приходятъ на память мнѣ умиляющія душу слова Псалмопѣвца: *рѣчная устремленія веселятъ градъ Божій; осытѣли еси селеніе Твое, Вышній.* Судя по окружающимъ холмамъ, печальную, должно быть, картину представляла эта мѣстность лѣтъ девять—десять назадъ: куда ни кинешь взглядъ одна глинистая степь, ни тѣни, ни деревца кругомъ. Но вотъ, чрезъ восемь лѣтъ совмѣстной дружной работы человѣческихъ рукъ и волшебницы—воды мы видимъ съ вами уютный, преобразенный уголокъ. Воздвиглись на пустырь жилища постройки, тѣснымъ зеленымъ кольцомъ охватили ихъ стройныя аллеи деревьевъ; а дальше, по склону холма, широко раскинулся молодой фруктовый садъ; въ поляхъ и дворахъ кипитъ хозяйственная жизнь..... Все это создано самоотверженными усиліями трудолюбивыхъ пчелъ божіихъ—инокинъ Ташкентской обители, устроившихъ здѣсь свой хозяйственный улей; эта героическая работа—отъ большого до самаго маленькаго кустика и до послѣдняго куска глины въ стѣнѣ сдѣлана ихъ собственными руками рѣшительно безъ всякихъ средствъ, лишь съ вѣрою на помощь Божію и съ однимъ могучимъ внѣшнимъ союзникомъ—водою. Вамъ, старожиламъ, конечно лучше меня извѣстно, какъ создавалось благосостояніе этого уголка; мнѣ объ этомъ недавно отъ одного уважаемаго старожилы г. Ташкента пришлось слышать такой разсказъ. Когда, говорилъ онъ, монастырь основывалъ свое хозяйство, у него не было никакихъ средствъ. На помощь ему стали приходять благодѣтели Ташкентскіе, не жалѣвшіе отдавать монастырю то, что самимъ имъ было не тоже; у меня, напр. передавалъ разсказчикъ, имѣлась пара убогихъ, случайно прижившихся во дворѣ гусей, изъ коихъ одинъ былъ со свернутой шеей; не зная, куда дѣвать такое хозяйство, я пожертвовалъ ихъ монастырю, и тамъ чрезъ два года изъ нихъ выросло цѣлое стадо крупныхъ, здоровыхъ гусей и съ очень красивымъ ленточнымъ опереніемъ. Другіе благодѣтели щедро надѣляли монастырь порченными и больными лошадьми, паршивыми или узвѣченными телятами, баранами, и чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ всего этого, благодаря самоотверженному уходу монахинъ, составилось у монастыря молодое стадо барановъ, рогатаго скота, небольшой табунъ лошадей. Такъ медленно, но вѣрно росла и крѣпла наша монастырская колонія, ставшая житницей обители. Теперь мы стоимъ при началѣ новаго періода въ ея исторіи: осуществляется при помощи Божіей завѣтная мѣчта оторванныхъ здѣсь отъ своего монастыря инокинъ—создать особый, свой домъ молитвы. И исполняются на сямъ буквально слова псаломской пѣсни: *водная устремленія проведеннаго сюда арыка преобразили*

степь въ цвѣтущій уголокъ, и освящаетъ нынѣ Домъ селенія своего вышній Господь. Такъ же безъ всякихъ средствъ начинается постройка довольно обширной каменной часовни. И пусть нѣтъ у насъ капиталовъ, за то есть всесильная, святая вѣра,—и вѣримъ мы, что Господь, устроившій мѣсто сіе, поможетъ труженицамъ Имени Его устроить и домъ молитвы. На этомъ мѣстѣ стройнымъ хоромъ инокинъ ежедневно будетъ возноситься хвала Создателю, сюда насельницы заимки будутъ во всякое время нести вздохи и печали души своей великому учителю монашества—преподобному Серафиму, просить его заступленія и совѣта въ подвигахъ и получать здѣсь отъ него благодатное утѣшеніе; сюда часто будетъ пріѣзжать монастырскій причтъ для молитвы и совершенія Божественной литургіи: въ праздничные дни приходите и вы православные Черняевцы, удаленные разстояніемъ отъ приходскаго храма, чтобы подъ стройное, гармоничное пѣніе монастырскаго хора отдохнуть душой отъ тяжелыхъ житейскихъ заботъ и въ уставной монастырской молитвѣ соединить свои мольбы къ Творцу и создателю всяческихъ.

Дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу днй; а святынѣ должень быть приданъ и подабающій, благолѣпный видъ. Помогите же, православные, во имя Бога и угодника Его преп. Серафима Саровскаго посильной лептой на воздвигаемый нынѣ Домъ Божій. Богъ знаетъ, быть можетъ, мы съ вами совершаемъ дѣло и болѣе великое по значенію, чѣмъ это кажется: быть можетъ, на этомъ мѣстѣ когда нибудь засіяетъ крестами и главами отдѣльная самостоятельная обитель—тихое пристанище пловцовъ, уставшихъ въ морѣ житейскомъ. Ей, Господи, буди, буди.“

За всякую жертву вашу вознаградить васъ Господь Богъ по молитвамъ преп. Серафима, небснаго покровителя сооружаемой часовни. Благослови насъ, Господи.“ По окончаніи торжества и возглашеніи установленныхъ многолѣтій Царской Семьи, Преосвященнѣйшему Димитрію, настоятелю монастыря игуменіи Лидіи, благотворителямъ и сестрамъ Ташкентской обители, присутствовавшимъ предложена была гостепримными хозяевами радушная трапеза, а затѣмъ крестный ходъ возвратился обратно въ Черняевское.

Настоящему торжеству мы придаемъ значеніе событія, выходящаго изъ рамокъ монастырской жизни и вполне соглашаемся съ той оцѣнкой, какая ему дана въ рѣчи о. Иванова. бѣдущій молитвенный домъ по самому положенію своему будетъ призванъ служить объединяющимъ религіознымъ центромъ для населенія удаленныхъ отъ приходскихъ храмовъ окружныхъ деревень; и въ этомъ мы усматриваемъ культурно-просвѣтительную миссію Ташкентской обители. Дай Богъ успѣха святому дѣлу.“

📍 **Къ колонизаціи Семирѣчья.** Возвратившійся въ Москву изъ поѣздки въ Семипалатинскую и Семирѣченскую области уполномоченный совѣта всероссійскихъ сѣздовъ старообрядцевъ В. Е. Мельниковъ представилъ совѣту сѣздовъ пространный докладъ, въ которомъ осмотрѣннымъ мѣстностямъ дается слѣдующая характеристика.

Въ отличіе отъ амурской и приморской областей, куда были направлены первыя партіи переселенцевъ-старообрядцевъ, вновь обследованныя и намѣченные къ колонизаціи области безлѣсны, страдаютъ отъ засухи, а нѣкоторыя мѣста семирѣченской области требуютъ орошенія даже передъ вспашкой. Переселенческой надѣль въ Семирѣченской области вдвое меньше, чѣмъ въ Пріамурскомъ краѣ, а именно составляетъ 6—8 десятинъ на душу. Въ отличіе отъ заселенныхъ ранѣе старообрядцами мѣстъ на Дальнемъ Востокѣ, въ Семипалатинской и особенно въ Семирѣченской области, по выводамъ г. Мельникова, возможно кромѣ посѣва хлѣба также культура въ предгорныхъ пунктахъ садовъ, винограда, риса и хлопка; рыбный промыселъ тутъ можетъ удовлетворять лишь собственныя потребности переселенцевъ и, наконецъ, на побочный заработокъ старообрядцы-переселенцы рассчитывать въ осмотрѣнныхъ новыхъ мѣстностяхъ не могутъ. Въ зак-

люченіе уполномоченный совѣта сѣздовъ заявляетъ, что въ случаѣ рѣшенія начать компанію по переселенію на новыя мѣста старообрядцевъ лично онъ выказывается за отдачу предпочтенія участкамъ семирѣченской области въ Джаркентскомъ уѣздѣ, какъ находящимся вблизи рѣки Или и озера Иссыкъкуля, а также Лепсинскому уѣзду, въ Алакульской долинѣ, гдѣ, по его мнѣнію, кромѣ хлѣбопашества, переселенцы смогутъ заниматься также рыболовствомъ на озерѣ Алакуль.

Замѣчательная смерть. Нью-іоркскій корреспондентъ „Daily Telegraph“ сообщаетъ о странномъ случаѣ смерти въ Филадельфіи, гдѣ одинъ инженеръ, провозглашенный врачами мертвымъ, разговаривалъ съ своей семьей въ теченіе двадцати семи минутъ.

Теодоръ Бэйли, упомянутый инженеръ, умеръ на 47 году жизни отъ отравленія крови, послѣдовавшаго за операціей, вызванной воспаленіемъ придатка слѣпой кишки. Его глаза застыли, пульсъ и сердце остановились, суставы затвердѣли и тѣло похолодѣло. При этомъ присутствовали его жена и дочь, его личный секретарь и три доктора: послѣдніе заявили, что смерть несомнѣнно наступила.

Тогда, по словамъ жены, дочери и личного секретаря, рассказъ которыхъ передаетъ корреспондентъ, послѣдовало вотъ что: Бэйли, обладавшій необычайной нервной силой при крѣпкомъ физическомъ здоровьи, началъ шептать. Въ теченіе двадцати семи минутъ онъ отдавалъ свои приказанія о томъ, какъ распорядиться съ оставленнымъ имъ состояніемъ, говорилъ о воспитаніи дочери и утѣшалъ свою жену. Все время глаза его оставались полузакрытыми и взглядъ неподвижнымъ. Наконецъ, голосъ измѣнилъ ему и онъ пошевелилъ рукой, указывая, что хочетъ писать; это ему не удалось и онъ ясно написалъ всего лишь одно слово. Тогда онъ перешолъ на азбуку глухонѣмыхъ, съ которой познакомился въ дѣтствѣ и которую понимала его дочь. Пальцы его задвигались и сообщили дочери, что онъ лишился голоса. Пользуясь знаками, онъ продолжалъ утѣшать своихъ близкихъ.

Американскіе психологи очень заинтересованы этимъ случаемъ, какъ „яснымъ примѣромъ сознанія по смерти“. Другіе объясняютъ этотъ случай прозе: ошибкой врачей. (Турк. Вѣд.).

Церковныя вѣсти. Синодъ черезъ епархіальныхъ епископовъ разъяснилъ приходскимъ священникамъ, чтобы послѣдніе приступали къ погребенію самоубійць по христіанскому обряду только въ тѣхъ случаяхъ, когда священникамъ будетъ извѣстно, что они умерли въ состояніи умоповрежденія.

Въ погребеніи же сознательныхъ самоубійць священники не только не должны участвовать, но и обязаны отговаривать родственниковъ хоронить ихъ на православныхъ кладбищахъ.

Это—второе выступленіе синода по вопросу о самоубійцахъ. Первое рекомендовало священникамъ произносить съ церковнаго амвона соотвѣтствующія проповѣди. (Свѣтъ).

Содержаніе неофіціальной части:—Единеніе людей можетъ ли быть цѣлью жизни человѣческой Н. П.-нѣ.—Еще по поводу книги Родіонова „Наше преступленіе“, Н. П.-нѣ.—Оскуднѣіе души А. К.—Паломничество въ Саровъ М. А.—Открытое письмо М. Д. Илетневъ.—Хроника.—Объявленіе.

Отвѣтственный редакторъ, священникъ В. Антоновъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Прибывъ для установки иконостаса въ Грозненскую новую церковь, предлагаю свои услуги по епархии на поправку старых иконостасовъ и изготовленіе новыхъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. По полученіи извѣдомленія моему выѣхать на мѣсто. Проживу здѣсь одинъ мѣсяцъ. Заказы изготовляю у себя дома. Фирма моя существуетъ 25 лѣтъ въ Воронежской губерніи Бирючинскомъ уездѣ слободѣ Алексѣевкѣ.

Имѣю здѣсь съ собою массу аттестатовъ и одобреній, идѣ строилъ иконостасы, а также имѣю многу проектовъ иконостаса.

Съ требованіями прошу обращаться въ село Грозное черезъ г. Аулізата иконостасному мастеру Макарію Ильичу Шапошникову или же чрезъ причтъ Грозненской церкви.

Съ почтеніемъ Макарію Ильичъ Шапошниковъ.

